

К.К. Тарасов

На рубеже двух царствований

Александр III - Николай II

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К.К. Тарасов**
На рубеже двух царствований: Александр III - Николай II / К.К. Тарасов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-518-07091-2

ISBN 978-5-518-07091-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного отъ всякихъ на нее посползновеній“.

Что-же произошло въ теченіе этихъ неполныхъ двухъ мѣсяцевъ? Произошло прежде всего то, что всѣ оттѣнки легальнаго общественнаго мнѣнія сошлись на одномъ тактическомъ приѣмѣ: *громогласномъ* яростномъ обличеніи и *публициномъ* холопствованіи передъ прахомъ „Царя-Мученика“. Я нарочно подчеркнулъ слова „громогласномъ“ и „публициномъ“: наединѣ многіе изъ кричавшихъ потирали руки, но вопль на стогнахъ и торжищахъ былъ во мнѣніи ихъ пужень для того, чтобы урвать хоть какую-нибудь реформу. Курьезнѣе всего при этомъ было то, что въ душѣ либералы рассчитывали на бомбы гораздо болѣе, чѣмъ сами наро.вольцы. Какъ-бы то ни было, большинство либераловъ въ печати, земствѣ, адвокатурѣ, университетѣ вторило реакціонной прессѣ въ походѣ на революціонеровъ. Отъ реакціонеровъ то и нечего было ждать чего-нибудь другаго. Поставивъ во главу угла жизнь и цѣлость царя, — оплотъ ихъ собственнаго благополучія, — они очень скоро пришли на этомъ пути къ проектамъ, напоминавшимъ бредъ сумасшедшаго: говорилось о перенесеніи столицы изъ Петербурга въ Москву; рекомендовалось раздѣлить все столичное населеніе на небольшія группы взаимно-шпіонящихъ обывателей. Но и либералы свели въ высшей степени серьезный политическій вопросъ прежде всего къ спокойствію самодержца. Дѣлая болѣе или менѣе прозрачныя намеки на конституцію, на „общеніе“ царя съ землей русской, двѣ-три либеральныхъ передовицы да адреса подлужины губернскихъ земскихъ собраній и нѣсколькихъ дворянскихъ выдвигали желанную конституцію главнымъ образомъ какъ орудіе для „уничтоженія смуты“ или какъ нѣкое общество земскаго страхованія жизни царя.

Реакція при этомъ, конечно, не дремлетъ, разсуждая совершенно логически: если либералы, страха-ли ради іудейска, или въ видахъ тонкаго макіавелизма, увѣряютъ царя, что цѣлость его священнои особы—основа ихъ политики, то царь долженъ пойти на встрѣчу этимъ увѣреніямъ и прѣжде всего позаботиться о себѣ и о сохраненіи своей божественной власти. Отсюда ихъ давленіе на Александра III, давленіе, поддерживаемое прошеными и испрошенными совѣтниками, которые устремляются съ разныхъ сторонъ на помощь растерявшемуся самодержавію. Вотъ московскій доктриперъ Чичеринъ, въ запискѣ, поданной Милютину, разноситъ „тѣхъ, которые вслѣдъ за катастрофой заговорили о свободныхъ учрежденіяхъ“, разноситъ „земскія собранія“, гдѣ „поднимается аграрный вопросъ, чрезвычайно опасный въ виду успѣховъ социализма“ и совѣтуетъ царю созвать земщину лишь для выработки мѣръ противъ крамолы. А вотъ питерскій „либеральный“ профессоръ А. Д. Градовскій, въ запискѣ, врученной Лорисъ-Меликову, то приглашаетъ правительство выяснить причины смуты, то пугаетъ его „новой пугачевщиной“, и даже, — не къ

реакціонной ночи будь сказано, — „нашествіемъ иноплеменниковъ“ Изъ Парижа бывшій префектъ и всегдашній фигляръ Андріе совѣтуетъ царю заявить, что пока онъ не „покончить съ шайкой убійцъ, величающихъ себя политической партіей“, до тѣхъ поръ не можетъ думать о мирныхъ реформахъ и прогрессѣ; рекомендуетъ „уничтоженіе публичныхъ преній для убійцъ государя“ и „подкупъ нигилистовъ“. Наконецъ, изъ Берлина дѣдинька Василій Федоровичъ (Вильгельмъ I) шлетъ конфиденціальное письмо къ внучку Александру Александровичу, совѣтуя ему, если онъ будетъ вынужденъ на конституцію, не допустить во всякомъ случаѣ ни всеобщей подачи голосовъ, ни „вмѣшательства парламента въ политику“, ни „неограниченной свободы преподаванія и печати“!

А рядомъ шла нелѣпая политика Лорисъ-Меликова. Дѣло было, кажется, просто: разъ ему хотѣлось провести хотя-бы ту жалкую пародію на конституцію, которая осталась въ наслѣдіе отъ убитаго царя*), онъ долженъ былъ возможно скорѣе предать этотъ проектъ гласности и вызвать въ странѣ агитацію по этому вопросу, давъ понять царю, что за этими минимальными реформами стоитъ вся Россія. Но Лорисъ-Меликовъ лишь продолжалъ келейно убѣждать Александра Ш, что въ его проектѣ нѣтъ ничего опаснаго для самодержавія, и тѣмъ временемъ сыпалъ изданіямъ щедрой рукой предостереженія и разсылалъ въ редакціи конфиденціальные циркуляры насчетъ „неминуемаго пріостановленія“ всѣхъ тѣхъ органовъ печати, которые дозволятъ себѣ „воплѣ неумѣстныхъ сужденія о необходимости измѣненія нашего государственнаго строя“. Т. е. затыкалъ ротъ какъ разъ тѣмъ, кто могъ-бы поддержать его, и какъ разъ за тѣ разсужденія, которыя именно были воплѣ умѣстны въ виду отчаянной борьбы между конституціоналистами и реакціонерами, завязавшейся на ступенькахъ трона. Пемудрено, что, создавъ насильственную тишину, въ которой безпрепятственно раздавались лишь завыванія волковъ да угуканья филиновъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“,

*) Пресловутый проектъ заключался въ созваніи временныхъ подготовительныхъ комиссій, которыя разсматривали-бы разные вопросы, предлагаемые высшимъ правительствомъ, и передавали бы ихъ на „совѣщательное разсмотрѣніе общей комиссіи съ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ“. Затѣмъ работы эти восходили бы къ Государственному Совѣту, а этотъ по своей волѣ могъ или принять ихъ въ расчетъ, или положить подъ зеленое сукно. Эти и нѣкоторыя другія свѣдѣнія о послѣ-мартовской сумятицѣ мы заимствуемъ изъ довольно интересныхъ посмертныхъ бумагъ Лорисъ-Меликова, изданныхъ нѣкимъ „другомъ“ его въ Фондѣ Вольной Русской Прессы подъ заглавіемъ: *Конституція графа Лорисъ-Меликова*; Лондонъ, 1893 г.

графъ уже черезъ два мѣсяца былъ оставленъ не у дѣлъ. Дѣйствительно, въ эти два мѣсяца Александръ III сначала было подмахнулъ на лорисъ-меликовскомъ докладѣ „весьма хорошо“ и даже признался Владиміру послѣ засѣданія Совѣта министровъ 8-го марта, на которомъ большинство высказалось за проектъ: „съ плечъ точно гора свалилась“. Но затѣмъ, подъ давленіемъ Каткова, Побѣдоносцева, Аксакова, издавъ знаменитый манифестъ о самодержавіи...

Итакъ Рубиконъ переиждень, — тотъ Рубиконъ, что ни дать ни взять походилъ на грязную и тишную рѣку московскихъ публицистовъ. Катковская клика грозила царю судьбой Людовика XVI, если онъ не согласится рѣшительно грести „противъ теченія“, какъ и совѣтовалъ въ статьѣ „Русскаго Вѣстника“ именно подъ этимъ заглавіемъ Варфоломей Кочневъ, т. е. г. Любиховъ. И однако еще въ теченіе цѣлаго года политика правительства, хотя и давшего машинъ задній ходъ, поражала своей неустойчивостью, метаньемъ изъ стороны въ сторону. Царь упорно отенживался въ Гатчинскомъ дворцѣ отъ вѣрноподанныхъ подъ сѣнію „усиленной охраны“ (указъ 14-го августа 1881 г.), а доверенное лицо его, графъ Игнатъевъ, что ни день то принимался за новую затѣю. Власти нащупывали страну, то наскакивая на оппозицію, то отступая, сами, очевидно, еще не зная, удастся-ли имъ взять верхъ. Въ манифестѣ отъ 29-го апрѣля правительство говорило объ „истинѣ самодержавія“. А въ циркулярѣ отъ 6-го мая новаго министра внутреннихъ дѣлъ оно обѣщало „принять безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній“. Хотя дѣло шло теперь лишь объ „исполненіи“ этихъ „предначертаній“, правительство полагало нужнымъ пока говорить о „живомъ участіи мѣстныхъ дѣятелей“. Рядомъ съ дворянскими привилегіями, циркуляръ торжественно обѣщало оставить неприкосновенными права земства и городскихъ сословій, сулило крестьянамъ облегченіе податей, улучшеніе ихъ общественнаго устройства и хозяйственнаго быта, говорилъ о необходимости пресѣкать хищеніе, „гдѣ-бы оно ни обнаруживалось“, и косвенно заподозрѣвалъ въ хищеніи въ особенности „ближайшихъ слугъ государевыхъ“. Иныя мѣста циркуляра показались-бы слишкомъ либеральными всего нѣсколько лѣтъ спустя, когда газетамъ давались предостереженія за простое упоминаніе „неприкосновенности правъ земства“!

Боясь наткнуться на дружный протестъ общества, правительство занялось „народной политикой“, чтобы показнымъ радѣньемъ о народѣ задѣть чувствительную струну въ русской интеллигенціи и отвлечь ее отъ политической борьбы. Русскій самодержецъ подъ руками Игнатъева перелицовался въ „мужикаго царя“, народнаго диктатора, который потому и спряталъ папень-

кину конституцію подь сукно, что рѣшилъ прежде всего занять устроениемъ блага народного внѣ контроля „парламентарныхъ болтуновъ“.

Этой политикѣ помогли прежде всего въ извѣстной мѣрѣ еврейскіе погромы 1881-1882 г. Во первыхъ это было хорошимъ отвлечениемъ для народныхъ массъ, взрыва которыхъ боялось въ ту пору правительство. Во вторыхъ, на отношеніи къ беспорядкамъ и произошедъ расколъ даже въ лучшей части интеллигенціи. Повременцы держали сторону бунтовщиковъ, но не потому, что это былъ протестъ противъ эксплуататоровъ, а потому, что это было избіеніе „жидовъ“. „Новости“ же зывали къ самымъ драконовскимъ мѣрамъ противъ мятежниковъ на томъ основаніи, что это было возстаніе анархическихъ элементовъ противъ „священной собственности“. Въ томъ-же духѣ вопіялъ и „Голосъ“, совѣтуя „не разнуздывать звѣря“: звѣремъ былъ русскій народъ. Но революціонной интеллигенціи одинаково претило взять какую-нибудь сторону въ этой полемикѣ: бить съ „Новымъ Временемъ“ евреевъ или разстрѣливать съ „Новостями“ мятежниковъ, осмѣливавшихся атаковать „принципъ капитала и цивилизаціи“. Въ Одессѣ, въ Новомосковскѣ народъ разносилъ не только евреевъ, но и православныхъ кулаковъ. Въ Балтѣ среди бунтовщиковъ слышались такіа рѣчи: „жидами позавтракаемъ, помѣщиками пообѣдаемъ, а поповъ — на ужинъ“. Иные революціонеры возлагали даже надежды на эти бунты въ смыслѣ пробужденія народа. Съ другой стороны, погромы вызвали совершенно естественно національное чувство между многими революціонерами-евреями и отбросили ихъ далеко вправо. Это былъ первый разладъ среди интеллигенціи и ея революціоннаго авангарда и, стало быть, ослабленіе оппозиціи.

„Народная политика“ скоро создала замѣшательство еще болѣе опасное. Она сбила прежде всего съ толку ту промежуточную группу народниковъ, которая заключала въ себѣ цѣлый спектръ линій, начиная отъ краснаго народничества прежнихъ бунтарей и вплоть до фіолетоваго народничества славянофиловъ, но сходилась на одномъ: отрицаніи политической борьбы съ самодержавіемъ. А вскорѣ это безразличное отношеніе къ политическимъ „оболочкамъ“ распространилось, словно масляное пятно, и на значительную часть интеллигенціи. Несмотря на грубость своихъ декораций, неловкость своихъ актеровъ, правительству успѣло выдать свой водевиль съ переодѣваньями за настоящую дѣятельность на пользу народную. Образованіемъ пресловутой „комиссіи свѣдущихъ людей“ правительство достигло сразу нѣсколькихъ результатовъ. Во первыхъ, это была какъ будто и уступка обществу, которое желало „единенія съ властью“ помимо бюрократическаго „средостѣнія“, нѣчто въ родѣ лорисъ-меликовской совѣщательной конституціи, но подь соусомъ изъ аксаковщины. Во вторыхъ, это было наилучшее дискредитированіе „общества“

и, стало быть, косвенное доказательство необходимости какъ разъ нелюбимаго „Русью“ средостѣнія: загнанная въ колодки „неотступленія отъ предмета“, комиссія кончила такимъ позорнымъ фіаско, что даже такой умѣренный писатель, какъ Леруа-Больё, принужденъ назвать ее „маленькимъ парламентомъ, премія и компетенція котораго не шли далѣе стѣнъ кабака“*)...

Вообще въ это время хаосъ въ умахъ достигъ уже значительныхъ размѣровъ. Я не буду говорить о „Новомъ Времени“, которое навзрыдъ рыдало о бѣдномъ мужичкѣ, увѣряя, что какъ только интеллигенція сладко вытянется на „золотой кровати конституціи“, бѣдному простолыдину придется платить гораздо больше, чѣмъ онъ платитъ доброму царю-батюшкѣ. Но самозакланіе интеллигенціи въ пользу (мнимую, конечно) народа находило себѣ порой защитниковъ и въ такихъ органахъ, которыхъ ужъ, конечно, нельзя было заподозрить въ любви къ правительству. Кто не помнитъ, какого шуму надѣлала проскользнувшая въ концѣ 1881 г. въ „Дѣль“ очень искренняя и очень наивная статья Б. Ленскаго „Интеллигенція, народъ, буржуазія“, гдѣ политическая свобода ставилась на одну доску съ желѣзной дорогой, по которой ѣдетъ нашъ братъ интеллигентъ, а мужикъ только смотреть, бредя тутъ-же по тропинкѣ съ сапогами на палкѣ за спиной...

Итакъ, правительство отдохнуло мало-по-малу отъ жалкаго страха, въ которомъ находилось въ теченіе года. Реакціонерамъ уже нечего было рыдиться въ напрокатъ взятыя лохмотья „меньшаго брата“. Политика безсистемнаго и шумнаго кувырканья должна была уступить мѣсто системѣ и зажиму. Игнатъевъ былъ лишь Предтечей, возвѣщавшимъ пришествіе настоящаго Спасителя самодержавія... Мессія явился: то былъ—графъ Толстой, еще такъ недавно прокаченный на вороныхъ рязанскимъ земствомъ, сожженный, казалось, вконецъ либеральными перунами и снова возрождавшійся изъ пепла. 9-го іюня 1882 царь отблагодарилъ Игнатъева, но первое время по отставкѣ его настоящая творческая дѣятельность Толстаго еще не начиналась. Надо было еще разрушать крамолу и красному террору противопоставлять бѣлый. Настоящая „органическая“ политика правительства началась приблизительно только съ 1884 г., когда либералы дали самодержавію раздавить боровшуюся съ нимъ революціонную партію, безучастно относясь къ этой борьбѣ и надѣясь получить отъ царя реформы при помощи ужасно-хитраго приписыванія ему разныхъ либеральныхъ плановъ. Тогда правительство увидѣло, что ему нечего бояться и принялось по своему за „увѣнчаніе зданія“ реформъ... начавъ разрушать его съ самаго основанія.

*) A. Leroy-Beaulieu, „L'Empire des Tsars et les Russes“ ; Paris, t. II, 3-ème éd. 1893, p. 225.

II

Законодательныя дѣянія царя въ области внутренней политики укладываются въ четыре категоріи. Одни направлены противъ проявленій личнаго убѣжденія и общественнаго мнѣнія: это—гоненія на печать, на науку, на свѣтское образованіе, на гласность судопроизводства, на свободное религіозное чувство. Другія связываютъ по рукамъ и ногамъ дѣятельность общества и отдають судьбу народа въ полное распоряженіе самодержавія: это—ограниченія суда присяжныхъ и ломка мировыхъ учрежденій; съуженіе и безъ того уже узкой сферы земскаго и городскаго самоуправленія. Къ тѣмъ и другимъ принадлежатъ расовыя гоненія на евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ, и пр. Третьи ставятъ народъ въ искусственно-создаваемыя условія неравенства и зависимости отъ привилегированныхъ классовъ, главнымъ образомъ дворянства: это—созданіе земскихъ начальниковъ; это—образовательныя ограниченія для дѣтей неимущихъ классовъ. Четвертыя, касаются, наконецъ, „экономической политики“: это—грабежъ народа казначействомъ, его порабощеніе интересамъ благороднаго сословія въ земледѣліи и интересамъ крупныхъ капиталистовъ въ индустріи.

Итакъ первая категорія. Свое востшествіе на тронъ реакціонной диктатуры Толстой ознаменовалъ гоненіемъ на прессу. Казалось, трудно было идти далѣе въ этомъ направленіи. Законъ 1865 года, надѣлавшій такой прочный намордникъ на печать, былъ уже видоизмѣненъ еще болѣе суровымъ закономъ 1872 г., по которому участь задержанныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ книгъ и журналовъ стала зависѣть не отъ 1-го департамента Сената, какъ прежде, а отъ комитета министровъ. Съ другой стороны, начиная съ злополучнаго закрытія „Москвы“ въ 1869 г., запрещеніе газеты обуславливалось лишь испрошеніемъ со стороны министра особаго высочайшаго повелѣнія. Но и этого Толстому показалось мало: 29 августа 1882 г. новый министръ издалъ „временныя“ правила, благополучно дѣйствующія до сихъ поръ. По этимъ правиламъ, пріостановка и прекращеніе изданій ввѣряется „высшей комиссіи“ изъ четырехъ министровъ. Изданіе, пріостановленное послѣ трехъ предостереженій, при возобновеніи подчиняется предварительной цензурѣ. Наконецъ, отъ комиссіи зависитъ запрещеніе редакторамъ и издателямъ прекращеннаго органа заниматься впредь этой дѣятельностью. Прежде это тяжкое ограниченіе права гражданина жить своимъ трудомъ могло быть наложено лишь по суду и не больше какъ на 5 лѣтъ (ст. 1046 Улож. о наказ.): теперь его налагала администрація,—если хотѣла, на всю жизнь.

Какъ Толстой воспользовался „временными правилами“, о томъ свидѣтельствуетъ длинный списокъ polegшихъ подъ напоромъ реакціонной бури газетъ и журналовъ. Рука этого неумолимаго Макара-гасильника не остановилась передъ закрытіемъ даже такого замѣчательнаго памятника русской мысли и искусства, какъ „Отечественныя Записки“. 5-го январа 1884 г. появились опять такі „временныя“ правила объ изыятіи цѣлаго ряда книгъ изъ публичныхъ библіотекъ. Списокъ этотъ пополнялся нѣсколько разъ и въ послѣдніе годы царствованія Александра III былъ разосланъ въ видѣ конфиденціальной инструкціи библіотекарямъ съ обязательствомъ не показывать его абонентамъ, а объяснять невылачу, неимѣніемъ этихъ книгъ въ библіотекѣ. Просматривая 153 названія запретныхъ твореній, сплошь и рядомъ натыкаешься на самыя грандіозныя курьезы: такъ запрещены всѣ или нѣкоторыя сочиненія Бурже, Лѣскова(?), Михневича, Суворина(!).

Гоненіе на свѣтское образованіе было другимъ козыремъ въ реакціонной игрѣ правительства. Закономъ 13-го іюня 1884 года была создана „новая“ церковно-приходская школа, съ цѣлью противодѣйствовать хоть и опекаемой попами и подлежащей наблюденію чиновниковъ-доносчиковъ, но все же свѣтской школѣ, — земской или министерской. Поповская школа существовала, собственно говоря, и раньше: когда устраивались земства, имъ пришлось на первыхъ-же порахъ познакомиться со старой церковно-приходской школой, и вотъ тогда-то и обнаружилось, что не только эти школы часослова и долбежки были настоящей сточной ямой допотопныхъ педагогическихъ приѣмовъ вплоть до истязанія учениковъ, но что и большинство ихъ значилось лишь на бумагѣ, такъ какъ честные іереи не столько прилежали обученію ребятъ, сколько охотились по приходу за ябцами, пирогами и холстами. Немудрено, что Александръ III занялся реставраціей этого милаго учрежденія. Трехлѣтній и четырехлѣтній курсъ министерской и земской школы былъ сокращенъ въ одноклассной церковной школѣ до двухъ лѣтъ или, собственно, до четырнадцати мѣсяцевъ, но за то дано обѣщаніе „проникнуть весь курсъ однимъ религиозно-правственнымъ элементомъ“. Наперли на славянскій языкъ и церковное пѣніе въ ущербъ русской грамотѣ, письму и счету. Уничтожили всякую поѣрку преподаванія, такъ какъ священники или лица, занимающіяся въ школахъ подъ ихъ „руководствомъ“, не подлежатъ ни контролю уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, ни правительственной инспекціи, а лишь чисто-формальному наблюденію такихъ-же священниковъ. Ассигновавъ на церковныя школы извѣстныя суммы изъ скуднаго бюджета народнаго просвѣщенія, тѣмъ самымъ уменьшили средства свѣтской школы, производя при этомъ на земства и крестьянскія общества усиленное давленіе съ цѣлью превратить начальныя школы въ поповскія. Наконецъ пытались было совѣмъ упразднить свѣтскую школу: мнѣніе государственнаго совѣта,

высочайше утвержденное 12-го мая 1887 г., задавало оберъ-прокурору Синода и министру народнаго просвѣщенія вопросъ, „не представится-ли болѣе удобнымъ сосредоточить дѣло развитія первоначальнаго народнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ“, — читай: духовномъ! И если почему-либо правительство не осуществило этого блестящаго плана, такъ лишь потому, что само испугалось быстро обнаружившихся невѣжества и лѣности поповъ. Чего стоять хотя-бы тѣ по истинѣ водевильные факты, которые сообщаетъ самъ-же оберъ-прокуроръ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ (за 1890 годъ), въ родѣ того, напр., что въ подольской епархіи учителя церковныхъ школъ пускались въ бѣга при приближеніи архіерейской, значить своей-же ревизіи, а другіе прятались въ сокровенныя мѣста избобрѣтательными іерейми! Осенью 1894 года „Гражданинъ“ устами нѣкоего „священника“ снялъ послѣднія свѣтлыя ризы съ поповской школы: по его словамъ, школа эта не можетъ быть „прелюбезной“ для священника, который создаетъ лишь школу „фиктивную“; самъ онъ занятъ требами, дьяконъ тоже, — и приходится вѣрять обученіе разнымъ „неудачникамъ“, исключеннымъ изъ духовныхъ училищъ, которые смотрятъ на свою дѣятельность лишь какъ на „укрывательство отъ солдатчины“!...

Двумя мѣсяцами позже похода противъ народной школы правительство открыло не менѣе рѣшительную кампанію противъ высшей школы: университетскій уставъ 1863 г. не богъ знаетъ какой либеральный, былъ замѣненъ драконовскимъ уставомъ 23 августа 1884 г. Выборное начало было старательно повытравлено. Прежде ректоръ избирался университетскимъ совѣтомъ: теперь онъ „избирается министромъ народнаго просвѣщенія и назначается высочайшимъ приказомъ“. Прежде деканъ избирался факультетомъ: теперь онъ „избирается попечителемъ учебнаго округа и утверждается въ должности министромъ“. Прежде избраніе профессоровъ принадлежало самому университету: теперь же, „при открывшейся вакансіи профессора министръ или замѣщаетъ ее по собственному усмотрѣнію лицомъ, удовлетворяющимъ указаннымъ въ законѣ условіямъ, или предоставляетъ университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утвержденіе“. Въмѣсто выборнаго начала черезъ весь уставъ проходитъ красной нитью принципъ служебной іерархіи и чисто-казарменной дисциплины. По прежнему уставу университетъ вѣрjлся попечителю учебнаго округа: по новому, университетъ подчиняется „начальству“ попечителя, который получаетъ право наблюдать за преподаваніемъ, созывать совѣтъ, давать ректору обязательныя инструкціи для надзора за студентами. Подъ генераломъ-попечителемъ первую ступень въ учебной арміи занимаетъ отецъ-командиръ, ректоръ, который прежде общалъ о неисправности профессоровъ совѣту или попечителю, а теперь уполномоченъ дѣлать самъ преподавателямъ указанія и

даже замѣчанія. За сямъ слѣдуютъ фельдфебели-профессора, которыми, въ виду введенныхъ для студентовъ государственныхъ испытаній, приходится рабски слѣдовать не ими сочиненной программѣ. Наконецъ, советъ у основанія этой хитроумной пирамиды положена страя масса солдатъ-студентовъ. И надъ всей этой лѣствицей надзирающихъ и обучающихъ чиновъ паритъ, теряясь въ административныхъ облакахъ, саваофъ-министръ.

Соотвѣтственно съ этимъ происходитъ и ученье. . . . настоящее солдатское ученье съ своего рода умственными разводами и смотрами. Таковы—государственные экзамены, которые, въ отличие отъ прежнихъ выпускныхъ, производятся особыми комиссіями „при университетѣ“, при чемъ министръ назначаетъ председателя и членовъ комиссій, ничѣмъ не стѣсняясь въ выборѣ. Таковъ — рядъ испытаній, которымъ студентъ подвергается на каждомъ шагѣ: испытанія составительныя на стипендіи, полукурсыя для студентовъ-медиковъ, повѣрочныя для зачета полугодій; если студенту не зачтено три полугодія сряду или пять вообще, онъ увольняется. Присоедините къ этому холопскій духъ, проникающій программы преподаванія, выработанныя министромъ. Такъ, напр., при преподаваніи русской исторіи рекомендуется профессору доказывать примѣрами прошлаго „истинность и значеніе самодержавія“. Невольно взоръ обращается назадъ, на чугунную фигуру Николая I го, отдавшего въ 1841 г. приказъ по этнографической наукѣ признать за „истину“ совершенное тождество трехъ отраслей русскаго племени, — очевидно, въ пикъ малорусскому и бѣлорусскому сепаратизму... Прибавьте наконецъ правила о порядкѣ, обязательномъ для студентовъ въ зданіяхъ университета, о формѣ и пр., и вы поймете, что опекаемое со всѣхъ сторонъ бородатое дитя направляется въсѣмъ складомъ вещей не къ наукѣ, а къ карьерѣ. Этотъ характеръ студенчества начинаетъ измѣняться къ лучшему лишь за послѣдніе три-четыре года подъ вліяніемъ усиливающейся революціонной оппозиціи, и университетскіе безпорядки, которые непрерывно слѣдуютъ одни за другими въ новое царствованіе, достаточно подтверждаютъ это. Во всякомъ случаѣ даже и среди симпатичныхъ въ общемъ юношей теперь попадаетъ довольно часто разновидность, въ былое время очень рѣкая: образованныхъ студентовъ, которые восхищаются во французскомъ подлинникѣ рѣчами социалиста Жореса и въ то-же время пудрятся, подкладывая себѣ въ мундиры пату, чтобы выгладѣть показнѣе, и, словно павлины, распускаютъ шлейфы своихъ знаменитыхъ „николаевокъ“...

Закономъ 12 февраля 1887 года правительствомъ накинуплось на гласное судопроизводство. Закрытіе дверей было распространено на цѣлый рядъ дѣлъ, для которыхъ это прежде не было обязательно, а завистло отъ усмотрѣнія суда. Въ то время, наприм., какъ раньше закрытіе дверей практиковалось лишь при богаху-

леніи, теперь подъ эту категорію подведены всѣ дѣла объ „отступленіи отъ вѣры“, о ересьяхъ и расколахъ: словомъ, теперь былъ устроенъ своего рода юридическій застѣнокъ или Преображенскій приказъ для раскольниковъ, гдѣ пытали ихъ во времена страшной памяти Петра. Преступленія противъ „союза семейственнаго“, женской чести и пр. должны теперь разсматриваться обязательно при закрытыхъ дверяхъ, хотя-бы, наприм., вопросъ шель о простой констатировкѣ двоеженства. Мало того, суду предоставляется право закрыть двери по любому дѣлу, и не входящему въ упомянутыя категоріи, если онъ найдетъ это нужнымъ „въ видахъ огражденія достоинства государственной власти и пр.“ (см. ст. 620.3). Наконецъ, законъ блистательно завершается правомъ, даннымъ министру, устранять публичность разбирательства, не дожидаясь постановленія самого суда, а лишь на основаніи „дошедшихъ до министра свѣдѣній“, — наприм. пакета „со вложеніемъ“ отъ денежнаго или сіятельнаго мошенника, который бонится гласнаго разбирательства.

Къ гоненіямъ на печать, школу, науку, гласность суда вполне логически примыкаетъ гоненіе на свободное религиозное чувство. И что всего болѣе поражаетъ въ этой политикѣ, это невозмутимый цинизмъ нашихъ властей, упрямляющихъ, будто въ свѣтъ нѣтъ такой вѣротерпимости, какъ въ Россіи. „Нигдѣ въ Европѣ, такъ заключалъ оберъ-прокуроръ Синода свой отчетъ за 1888-1889 гг. (вышедшій въ 1892). — нигдѣ въ Европѣ инославныя исповѣданія не пользуются столь широкой свободой, какъ среди русскаго народа“. Конечно, „среди русскаго народа“ очень мало фанатиковъ. Но вѣдь не самъ русскій народъ распоряжается своею судьбой, а правительство, которое угнетаетъ всякое религиозное убѣжденіе, кромѣ патентованнаго православія. Вспомните писемъ Побѣдоносцева къ Навилю, предсѣдателю швейцарскаго комитета Евангельскаго Союза: „Россія никогда не дозволитъ отнимать у православной церкви ея сыновъ, съ цѣлю завербовать ихъ въ инопостранныя исповѣданія. Она открыто объявляетъ это въ своихъ законахъ.“ (Journal de Saint-Petersbourg, 1888),—и набожный мучитель апеллируетъ къ суду божію на томъ свѣтѣ, который, молъ, покажетъ, что онъ, Побѣдоносцевъ, правъ.

Въ сущности все прошлое царствованіе является нескончаемымъ рядомъ гоненій на католиковъ, протестантовъ и особенно рационалистическія секты Еше въ 1884 г. правительство декретировало „строжайшее преслѣдованіе виновныхъ какъ въ распространеніи штундизма, такъ и въ привлеченіи къ оному лицъ православно исповѣданія, посредствомъ проповѣди или иными способами“. Въ 1889 г. эти мѣры „кротости“ были признаны недостаточными, и оберъ-прокуроръ Синода обратился къ министру вн. дѣлъ съ просьбой, „чтобы со стороны гражданской власти было оказываемо духовенству содѣйствіе въ его дѣятельности къ ослабленію штундизма“; и министръ отдалъ приказъ губернаторамъ